

ГРЕБЕНЮКОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

«СТАХАНОВЦЫ ВТОРЫХ ПУТЕЙ»: ТВОРЧЕСТВО БАМЛАГОВЦЕВ (по материалам из фондового собрания Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова)

В статье рассказывается о творчестве и судьбах заключённых БАМлага по материалам их книг середины 1930-х годов из фондового собрания Гродековского музея (г. Хабаровск).

Ключевые слова: БАМлаг, БАМ, лагерь, заключённые, ГУЛАГ, НКВД, чекисты, вторые пути, стахановцы, фаланга, поэты, А. А. Альвинг, Е. Г. Геркен, Г. И. Анфилов, С. М. Кремков, Н. А. Заболоцкий, В. Н. Ажаев, Г. Г. Воловик, «Путеармейцы».

Keywords: Baikal Amur Corrective Labor Camp (Bamlag), Baikal–Amur Mainline, prisoner, Gulag, NKVD, chekist, second ways, stakhanovites, phalanx, poets, A. A. Alving, E. G. Gerken, G. I. Anfilov, S. M. Kremkov, N. A. Zabolotskii, V. N. Azhaev, G. G. Volovik, "Putearmeytsy".

Фондовое собрание Гродековского музея располагает редчайшими книгами, изданными в середине 1930-х годов в г. Свободном, в БАМлаге. Все книги, имеющие гриф «Не подлежит распространению за пределами лагеря», несмотря на неотвратимость наказания за их вынос с территории лагеря, были тайно переданы на волю, и музей обладает шестью из них (отдельные издания в двух экземплярах). Это книги «Путеармейцы» (1935 г.), «Простые рассказы о подвигах» (1935 г.), «Стахановцы вторых путей» (1936 г.), «Победа» (1936 г.).

Созданию БАМлага предшествовала напряжённая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке. В 1931 году японские войска оккупировали Маньчжурию, вышли к границам СССР, и однокорейная Амурская железная дорога с весьма ограниченной пропускной способностью не могла решить проблемы обеспечения войск, если бы возник военный конфликт. Для строительства Байкало-Амурской железной дороги не хватало вольнонаёмных людей, и в 1932 году вышло секретное постановление Совета народных комиссаров (СНК) СССР № 1650/340с от 27 октября, по которому строительство БАМа и реконструкция Транссибирской магистрали (Транссиба) передавались Объединённому Главному политическому управлению (ОГПУ) при СНК СССР. 11 ноября 1932 года был издан приказ по ОГПУ № 1020/с о создании БАМлага. По этому приказу строительство БАМлага перешло в ведомство Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД. В 1932 году появилась аббревиатура БАМ. Главное управление БАМлага располагалось в г. Свободном Дальневосточного края (сейчас — Амурская область), и с 1934 года БАМлаг возглавил Н. А. Френкель, ранее руководивший строительством Беломорканала.

БАМлаг — это один из лагерей ГУЛАГа, где были самые тяжёлые условия; к 1935 году заключённых было около 153,5 тысячи человек, и многие не доживали до конца срока [4].

Перед БАМлагом было поставлено три основные задачи: строительство Байкало-Амурской железной дороги, прокладка вторых путей на Транссибе, лесозаготовка, деревообработка и добыча золота. Главная же задача заключалась в возведении к концу 1938 года основных участков «вторых путей». Названия «первые» и «вторые» пути можно рассматривать как маскирующие политические эвфемизмы, призванные скрыть, исказить суть: оба пути связаны с подразделениями ГУЛАГа. «Первые пути» соотносятся с Беломорско-Балтийским каналом, а «вторые пути» — с Байкало-Амурской магистралью.

С 1934 года в системе ГУЛАГа получили распространение культурно-воспитательные отделы (КВО) и более мелкие подотделы культурно-воспитательные части (КВЧ). КВО и КВЧ включали в себя разнообразные направления, среди которых была «клубно-массовая, библиотечная работа, из-

дание газет, журналов и бюллетеней, выпуск стенгазет» [1]. В БАМлаге выходила серия книг стихов и прозы; их тираж составлял пять тысяч экземпляров.

О цели выпуска изданий говорилось в предисловии книги «Простые рассказы о подвигах»: «Документальная серия эта издаётся для того, чтобы каждый путеармеец-лагерник знал достойнейших своих товарищей и замечательные их дела» [6, с. 4].

Наиболее талантливые авторы сборников, главным образом поэты, ныне почти забыты. Из них следует назвать поэта Серебряного века, переводчика, литературного критика А. А. Альвинга (1885–1942 гг.); в БАМлаге поэт был литературным консультантом и редактором поэтического сборника «Путеармейцы». Книга А. А. Альвинга «Введение в стиховедение» была переиздана в лагерной типографии, и начинающие поэты пользовались ею. Автор стихотворного сборника «Путеармейцы» — Е. Г. Геркен (1886–1962 гг.), поэт Серебряного века, драматург, правнук русского поэта Е. А. Баратынского. Г. И. Анфилов (1886–1938 гг.), поэтический дар которого высоко ценил В. Я. Брюсов. С. М. Кремков (1896–1935 гг.) — поэт, прошедший Беломорско-Балтийский канал и сломленный в БАМлаге: в 1935 году Сергей Кремков застрелился в лагере. Г. Г. Воловик (1909–1983 гг.) — поэт, прозаик, драматург, военный корреспондент, в БАМлаге он в числе из трёх заключённых выпускал многотиражную газету «Штурм». В. Н. Ажаев (1915–1968 гг.) — прозаик, редактор бамлаговских книг прозы, впоследствии ставший лауреатом Сталинской премии за роман «Далеко от Москвы», который был переведён на 20 языков мира. Ажаев был этапирован в БАМлаг в 1935 году, в 1937-м получил досрочное освобождение, остался работать вольнонаёмным в лагерной системе. Под руководством В. Н. Ажаева работал Н. А. Заболоцкий [2].

Лагерные поэты ясно видели поставленную перед ними цель:

*...Мы достроим, достроим до срока
Океаны связующий БАМ.
И железный послышится скрежет,
Пронесётся гигант-паровоз,
Он тайгу от востока прорежет
Твёрдой, сталинской сталью колёс. [8, с. IV]*

В книгах прозы упоминаются не выдуманные герои, а реальные «зеки», среди них — носители старинных дворянских фамилий: Ртищев, Толстой; вероятно, эти люди были неуютны власти за своё происхождение.

В предисловии к книге «Путеармейцы» говорится, что «сочетание производительности труда с работой в культурной области — вот вернейший признак перековки» [8, с. IV].

Творческая работа заключённого, наряду с его трудовыми подвигами на стройке, поощрялась руководством; некоторые даже верили в своё досрочное освобождение...

Дорога в лагерь навсегда оставалась в памяти неутраченной болью, но лагерные поэты писали только о «печали, скуке». Лирический герой стихотворения И. Мосолова «Песня бамовцев» вспоминает:

*Мы ехали в красных вагонах
Сибирью в амурскую даль,
И длительный путь в эшелонах
Усиливал нашу печаль.
И думалось: вот мы — изгой,
Отсевы советской земли.
Нас, видно, на скуку и горе
В таёжную глушь привезли.
Теперь же, когда увидали
Мы БАМ и вторые пути,
Мы знаем — сейчас нам едва ли
Почётней работу найти.* [8, с. 57]

«Красные вагоны», впоследствии вошедшие в песенный фольклор, пользовались дурной славой: в них перевозили скот и заключённых.

Герои стихов заключённых приезжают на строительство «вторых путей» словно бы добровольно:

*...Но примчались эшелоны,
И, стряхнув с бушлата снег,
Из открытого вагона
Спрыгнул наземь человек.
А за ним второй и третий,
Сотни... Тысячи... Вот так
По лесам и сопкам этим
Зашумел с тех пор БАМлаг.* [8, с. 51]

Совсем иная картина возникает в воспоминаниях поэта Н. А. Заболоцкого, прибывшего через Хабаровск в «царство БАМа» и находившегося в БАМлаге пять лет: «Везли нас с такими предосторожностями, как будто мы были не обыкновенные люди, забитые, замордованные и несчастные, но какие-то сверхъестественные злодеи, способные в каждую минуту взорвать всю вселенную. <...> На крышах вагонов были установлены прожектора... Тут и там, на крышах и площадках торчали пулемёты, было великое множество охраны, на остановках выпускались собаки-овчарки, готовые растерзать любого беглеца... нас выстраивали рядами, ставили на колени в снег, завёртывали руки за спину... а вокруг смотрели на нас десятки ружейных дул, и сзади, наседавая на наши пятки, яростно выли овчарки, вырываясь из рук проводников» [3, с. 15].

По рассказам жены репрессированного поэта Г. Г. Воловика Нины Воловик об этапе на БАМ, заключённым «селёдку дадут, а воду — нет. Вот и стояли в очереди вновь осуждённые, чтобы хоть лизнуть заиндевевшие металлические предметы: гвозди, задвижки» [10, с. 167].

В БАМлаге «в день полагалось на человека 300 граммов хлеба, дважды в день — кипяток и обед из жидкой «баланды» и черпачка каши» [3, с. 16].

Однако в рассказах, опубликованных в сборниках, возникала иная картина — её навеяло, вероятно, воображение голодного автора: «Пришла в контору, а там уже обед приготовлен. Скатерть чистая, посуда, борщ, пирожки, картошка жареная, каша, кисель» [11, с. 10].

Герои рассказов заключённых с теплотой и благодарностью говорят о чекистах, как о своих покровителях: «Здесь, в лагере, я убедился, что чекисты кажутся врагами нашими только до тех пор, пока не желаешь понять, чего они от тебя хотят. Да, да! Нам хотят добра, а мы огрызаемся. <...> Специальность кто мне дал? Чекисты. Дышать во всю грудь кто меня научил? Чекисты. <...> Казалось — враги, лишь бы, мол, схватить за шиворот и сунуть за решётку. Выходит, ошибался. За шиворот-то берут, но за руку выводят» [5, с. 24–25].

Герой рассказа И. Лукина «В жизни первая речь» вспоминает: «Ведь как меня взяли — и в каждой красной петлице я врага себе представлял. <...> Потом замечаю — небезразличный я для начальства человек. <...> Люди эти, которых я боялся и не любил, — настоящие люди, самые лучшие, какие есть на свете. <...> И вот когда ты себя и вину свою как следует обдумал и помощи запросить решил, в это самое время зажигает человек в красных петлицах фонарь, зажигает от Сталинского огня, идёт, освещает перед собой путь, а ты идёшь за ним и выходишь к солнцу» [11, с. 41].

Идея о том, что наказание не бывает без вины, а лагерь служит «перековке», — основополагающая, она словно бы «несущая конструкция» всех рассказов бамлаговцев. В предисловии к книге «Простые рассказы о подвигах» приведены слова: «Великое строительство вторых путей проходит в труднейших условиях с дикой суровой природой: дремучей тайгой, твёрдыми неприступными скалами, жесточайшими морозами, вечной мерзлотой. <...> Каждый день упорного труда путеармейцев, новый десяток километров пути, проложенного их руками, всё больше и больше отдаляют их от прошлого, от всего того, что оставили они у входа в лагерь. Хищничая, ошибаясь на каждом шагу, путаной дорогой по задворкам жизни пришли они в лагерь. <...> Вчерашние хищники, люди, пошедшие супротив пролетарской диктатуры, они сегодня за эту диктатуру отдадут жизни свои, отдадут так же просто и мужественно, как просто и мужественно несут они повседневную трудную работу. Ибо эта диктатура дала им возможность начать жить сначала» [6, с. 3–4].

Скрытая благодарность чекистам, представителям «пролетарской диктатуры», звучит в рассказе Юсуфа Зия Ширвани: «Жизнь в лагерях научила меня многому. Только теперь я сознаю, что счастье людское не в погоне за богатством, а в честном труде» [5, с. 35].

В заключённых культивировалось чувство вины. Мысль об их «путаной дороге» «по задворкам жизни», о чудодейственном влиянии лагеря на повреждённую душу заключённого звучала во многих произведениях авторов бамлаговских сборников. «Ваше вчера — излеченное уродство», — замечает поэт Сергей Кремков (тот, который застрелился в лагере) устами своего лирического героя в стихотворении «Последний нажим» [8, с. 45]. «Лагерник исправтрудлагерей, НКВД воспитанник на стройке», герой стихотворения Л. Ржечицкого «На новых путях» «научается жить» — он один из тех, кто

...ржавчиной былых ошибок схожи.

Здесь, на закалке трудовых побед,

В победах над собой меняем кожу. [8, с. 25]

Поэт Л. Дмитриев пишет:

Перерезая пути старых уз,

Былое вы подвергли перекройке,

Оставили ошибок прошлых груз

В водовороте, в гуще нашей стройки. [8, с. 48]

В стихотворении С. Федотова есть такие строки:

Мы не соцвреды. В строительство домны

Бросили сердце и волю свою.

Жуткого прошлого чад уголовный

Мы победили в горячем бою. [8, с. 13]

На титульном листе книги «Стахановцы вторых путей» приведены слова И. В. Сталина: «В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом, — молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами» [12].

В декларативных документах лагеря создавалась иллюзия, что в местах лишения свободы занимаются образованием заключённых, организуется для них культурный отдых, их «перевоспитывают». Лагерь, по мысли руководства БАМлага, вовлекает тех, кто «выбил из рядов трудящихся», «в великую коллективную стройку и заражает энтузиазмом. А этот энтузиазм рождает и героизм, и тот высокий строй чувств и мыслей, который зовётся пафосом» [8, с. IV].

Герой рассказа Юсуфа Зия Ширвани «Яраш Рузиев и его Шерик» из книги «Победа» ежедневно давал с напарником «400–450%» и, по его словам, они работали «не больше восьми часов в день». Известно, однако, что только к 1940 году большинство рабочих (на свободе!) было переведено на восьмичасовой рабочий день, а в лагере и не было речи о каких-либо правовых гарантиях и строго установленной продолжительности рабочего дня. По решению штаба «Ф» Яраш Рузиев поехал делегатом от фаланги на слёт стахановцев от строительства в г. Свободный. Как будто у «стахановцев» и не было поражения в правах, и труд их не был каторжным...

Что такое фаланга, мы узнаём из документальной книги В. М. Прядкина «Неизвестный БАМ». Н. А. Френкель, сам в прошлом «сиделец» Соловецкого лагеря, «создал в БАМ-лаге новую структуру, так называемые фаланги. Фалангой назывался небольшой хозяйственно-самостоятельный отряд заключённых, занятых на определённых работах, численностью 250–300 человек каждая (бывали и по 500 человек). <...> В фаланге все заключённые повязываются круговой поручкой и соревнованием за самое важное и дорогое в лагерной жизни, за пайки. Производительность фаланг была заоблачной. Тем заключённым, которые работают в фаланге плохо, не позавидуешь. Наказание он получит внутри фаланги от самих же заключённых (по его вине они могут не получить дополнительный паёк), вмешиваться во внутренние дела фаланги негласно запрещалось самим Френкелем» [7]. Лентяя, «филона» могли и убить.

В рассказах заключённых БАМлага фаланга — это почти семья, в которой царит согласие: «Тут фаланга вышла на работу: с гармоникой, чинно-благородно, как полагается» [11, с. 21].

«Фалангист» — слово, нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке, искажающее действительность, замена слову «заключённый». В стихах лагерных поэтов звучат призывы фалангистов:

Так вперёд, победа недалёко!

Фалангист! Страна не может ждать.

Лозунг наш — «Даёшь пути до срока!»

Наша цель — себя перековать. [9, с. 29–30]

Рефреном стихотворения «Песня о бетоне» были такие слова:

Фаланг расчёты точные

На темп умножь!

Даёшь пути досрочные,

Бетон даёшь! [9, с. 53]

В лексике заключённых встречаются историзмы, которые обозначают тюремный статус человека, и среди них такое непонятное в настоящее время слово, как «тридцатипятники». Оно требует специального погружения в реалии прошедшей эпохи. В предисловии к книге «Простые рассказы о подвигах» читаем: «Заключённый Умара Магомет, под страхом быть разорванным на куски, предохраняет от обстрела пассажирский поезд. Тридцатипятницы Мешкова и Костюченко спасают пятьсот человек от неминуемой гибели. Тридцатипятник Дыбулин, рискуя жизнью, производит взрывные работы... только потому, что «рабочим обязательно надо дать грунта», потому что иначе «ребята не выполняют дневного задания» [6, с. 4]. «Утром 29 мая тридцатипятники начали копку котлована», — пишет Артём Русанов [5, с. 11]. Оказывается, что в 1930 году в Уголовном кодексе появилась статья 35, которая законодательно

закрепляла за управлением лагерей право отправлять заключённого на любую «великую стройку» сроком от трёх до десяти лет. 35 статья всегда применялась вместе со статьёй 7. Любому, ранее судимому или несудимому, а только подозревавшемуся в преступлении, могли назначить срок от трёх до десяти лет [9].

Чтобы выжить, сохранить рассудок, вернуться к семье (если таковая была), заключённым нужно было всё претерпеть, поэтому в стихах и прозе бамлаговцев и возникал образ солнца, которое символизировало жизнь, созидательную энергию, возрождение, очищение, мудрость и желанный домашний очаг.

Несомненно, многие заключённые были знакомы с поэзией Серебряного века, в которой образ солнца находил разную художественную трактовку. Стихи заключённых не были «солнечной пряжей», идеалом космической красоты, как у К. Д. Бальмонта, и не несли «вчерашнее» солнце «на чёрных носилках», как лирический герой О. Э. Мандельштама. Солнце у бамлаговских поэтов было «братишкой», «нарядчиком», наблюдателем, напарником или соперником в соревновании. Но самое главное — оно было носителем вечного, безначального света...

Особенно часто образ солнца возникает в стихах сборника «Путеармейцы»:

*Братишка-солнце, дай огня!
Даёшь ударное сиянье!
Сегодня снова у меня
С тобою трудсоревнованье.
<...>
Я раньше солнца поднимусь,
Раздую в жилах ярый пламень*

*И в лысину его швырну
Разбитый аммоналом камень.*

<...>

*Ему с руки светить да греть,
Да в сопки яблоком катиться,
А мне — лихую песню петь*

Да по-ударному трудиться. [9, с. 55]

В стихах Л. Ржевицкого солнце — и нарядчик, проставляющий нормы выработки, и часовой на вышке, задачей которого было пресечь побег осуждённого:

*Цеха труда включая на весь ход,
И волей к жизни пронизав, как током,
Нарядчик-солнце в свой пошло обход
Страны Советов с Дальнего Востока.
И будет пламенным флажком оно гореть
На вышке неба, под которым стойко
Я, лагерник исправтрудлагерей,
Веду борьбу на сверхударной стройке.* [9, с. 24–25]

Роль солнца была занижена, но, скорее всего, такое футуристическое, панибратское отношение к «светилу» («в лысину его швырну / Разбитый аммоналом камень») было бравадой: заключённые, благодаря солнцу в груди, верили в чудо досрочного освобождения, в новую жизнь, полную красоты и мудрости, где каждый мог бы наслаждаться творчеством.

Поэзия и проза большинства литераторов-бамлаговцев пока малоизвестна, но представляет несомненный интерес. Благодаря редким изданиям, поступившим в архивы из частных коллекций, мы узнаём о творчестве заключённых БАМлага и сквозь призму их судеб можем различить прошлое своей страны...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абасова, И. Художественная самодеятельность как одна из форм культурно-воспитательной работы в ГУЛАГе в 1930–1950 гг. / И. Абасова. — Текст : электронный // Pandia : интернет-издание. — URL: <https://pandia.ru/text/80/587/4578.php> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Заболоцкий Николай Алексеевич — поэт. Биография Заболоцкого Н. А. // Библиотеки Комсомольска : [сайт] / Муниципальное учреждение культуры «Городская Централизованная Библиотека». — Комсомольск-на-Амуре, 2013–2023. — URL: <https://www.kmslib.ru/literaturnyi-komsomolsk/zabolotskii-nikolai-alekseevich-1903-1958-gg> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Заболоцкий, Н. История моего заключения / Н. Заболоцкий ; [предисл. Л. Озерова]. — Москва : журн. «Огонек», 1991. — 45 с.
4. Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 / С. А. Папков. — Текст : электронный // ВикиЧтение : [сайт]. — URL: <https://history.wikireading.ru/364175> (дата обращения: 10.04.2023).
5. Победа. — Свободный (Амурская обл.) : сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1936. — 40 с. — (Библиотека строителя БАМа ; Вып. 18). — Местонахождение: ХКМ КП 8186/34.
6. Простые рассказы о подвигах. — Свободный (Амурская обл.) : сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1935. — 48 с. — (Библиотека строителя БАМа ; Вып. 7). — Местонахождение: ХКМ КП 8186/33.
7. Прядкин, В. М. Неизвестный БАМ. Тайны Байкало-Амурской железной дороги / В. М. Прядкин. — URL: http://samlib.ru/p/prjadin_w_m/pamjatx.shtml. — Текст : электронный (дата обращения: 10.04.2023).
8. Путееармейцы : стихи и песни лагкоргов. — Свободный (Амурская обл.) : сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1935. — 78 с. — Местонахождение: ХКМ КП 12248/44.
9. Сидоров, А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917–1940 гг.) / А. А. Сидоров // ВикиЧтение : [сайт]. — URL: <https://history.wikireading.ru/207220>. — Текст : электронный (дата обращения: 10.04.2023).
10. Смыковская, Т. Е. Литература БАМлага как художественный феномен / Т. Е. Смыковская. — Благовещенск : БГПУ, 2023. — 360 с.
11. Стахановцы вторых путей : рассказы стахановцев о себе. — Свободный (Амурская обл.) : сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1936. — 64 с. — (Библиотека строителя БАМа ; Вып. 16). — Местонахождение: ХКМ КП 8186/41.

Материал поступил в редакцию 27.07.2023.

Сведения об авторе: Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: suerte.09@mail.ru; тел. 8-909-806-67-06.